

низации строительных работ, разъясняя при этом, что в царских мастерских по изготовлению черепицы работали рабы. В главе подробно описана известная боспорская черепица (солёны и калиптеры).

Изложение ведется в хронологической последовательности, что дает возможность более ясно представить широкую картину развития античной архитектуры в Северном Причерноморье, естественно далеко не полную из-за недостаточности материала, который, однако, быстро накапливается в силу успехов советской археологии. В очерк не могли войти поэтому оборонительные стены Семибратнего городища V в. до н. э. (раскопки 1949 г.), склеп, открытый в Пантикапее при раскопках 1948 г., мукомольня в Киммерике (раскопки 1949 г.) и др. Описывая оборонительные стены Харакса, автор дает элементы тактики оборонительного боя. Однако в параграфе о градостроительстве не упоминают почему-то террасное строение Пантикапея, о котором говорит автор в одной из своих работ<sup>1</sup>. В работе не обходится и архитектура малых форм. На примере замечательных деревянных саркофагов и предметов мебели показывается чрезвычайно высокий уровень столярных работ в древности на юге СССР. Особо отмечается архитектурная форма мраморного Таманского саркофага. Упоминается замечательный курорт древней Керчи на Темир-Горе, где открыт в прошлом столетии архитектурно оформленный колодезь с целебной водой типа нарзана.

Переходя к описанию храмов, автор останавливается на храме Аполлона Простата в Ольвии, попутно раскрывая тот факт, что строительство шло не только в крупнейших центрах Северного Причерноморья (Пантикапей, Херсонес, Ольвия, Фанагория), но и в глубине страны, на территориях местных народов, окружавших эти центры. Поэтому, как говорит автор в заключении, «в художественном творчестве античных колоний Причерноморья наблюдаются не только черты, общие для античного искусства в целом» (стр. 392), но и местные особенности, что сказалось в архитектуре, особенно в декоративном искусстве (моделировка деталей, капители пристенных колонн в Пантикапее). Тем самым отмечается влияние местных народов на греческие колонии в Северном Причерноморье. Подробно описан храм в Гарии (Армения) III—IV вв. н. э.

Приложение снабжено многочисленными рисунками и планами в тексте с приложением таблиц.

*Н. И. Сокольский*

## **ВОПРОС ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

*(По поводу книги А. Осипова, Краткий очерк истории Индии до X века)*

В данной рецензии будет сделан обзор рецензируемой книги и некоторых других работ советских историков, опубликованных в 1948—1949 гг. и посвященных истории древней Индии, причем только под углом зрения того, как тот или иной автор решает вопрос об общественно-экономической формации в древней Индии. Вряд ли стоит доказывать, что от решения этого вопроса зависит, в конечном итоге, решение остальных проблем истории древней и средневековой Индии.

Вопрос об общественно-экономической формации в древней Индии и о классовой природе первых государств, образовавшихся на ее территории, представляет значительные трудности. Исторические источники, с которыми приходится иметь дело исследователю, — это главным образом религиозная литература, религиозно-философские трактаты, сборники так называемых «священных законов», собрания крайне противоречивых и путаных исторических преданий; эти источники чрезвычайно многочисленны,

<sup>1</sup> В. Д. Блаватский, Террасы Пантикапея, КСИИМК, вып. XXI, (1947).

но поразительно скудны достоверными фактическими данными, причем даже к имеющимся данным приходится относиться с большой осторожностью вследствие их хронологической неопределенности; исторической науки древняя Индия фактически не знала, никакой хозяйственной документации до нас не дошло; открытые материальные памятники скудны и плохо археологически обработаны; записки участников похода Александра Македонского в Индию и послов эллинистических государств, посетивших ее в IV—III вв. до н. э., не дошли до нас в подлинниках, а сохранились только в пересказах позднейших писателей, да и целостность этих источников обычно преувеличивалась, так как сплошь и рядом античные авторы, не поняв чуждой им индийской действительности, дезориентируют читателя в важнейших вопросах.

Буржуазная историография к решению этого коренной важности вопроса даже не подошла ввиду своей методологической беспомощности. Но советские историки вооружены марксистско-ленинской теорией, которая является мощным идейным оружием, и все дело в том, чтобы использовать его в полной мере в процессе тщательного изучения конкретных исторических фактов и материалов.

Следует отметить, что в советской исторической науке уже сложилось правильное представление о древней Индии как рабовладельческой стране восточного типа. В решении этого вопроса советские историки исходили из методологических указаний, находящихся в работах классиков марксизма-ленинизма. Но не всегда высказываемые положения опирались на историческую конкретность; ее знали плохо, так как изучение истории древней Индии и сейчас стоит не на должной высоте: обычно руководствовались аналогиями с историческим развитием других стран, а это приводило к схематичности и недостаточной обоснованности.

Вышедший в 1948 г. учебник для вузов «История древнего Востока» В. И. Авдиева в XIX главе правильно определяет общественный строй древней Индии как рабовладельческий, но характеристика рабовладельческой Индии не получилась вполне отчетливой. Автор говорит о рабовладении «в его специфической форме домашнего восточного рабства» (стр. 488), но основное внимание уделяет описанию сословно-кастового строя в Индии. Он включает, видимо, в эту систему и рабов, что видно из его оценки характера брахманских законов, подчеркивавших прощаль, лежащую между аристократами и рабами, высшими и низшими кастами (стр. 491). Впрочем, на стр. 490 он к шудрам относит только низы угнетенных и бесправных бедняков, бывших почти на положении рабов; что значит «почти» — неясно. Только в четырех строчках (на стр. 489) говорится о дасах, которые называются рабами «в полном смысле этого слова», но были ли какие-либо другие рабы — не сказано; ничего не говорится об удельном весе труда рабов в древнеиндийской экономике, не указаны сферы применения труда рабов, нет характеристики особенностей в положении рабов и т. д. Вследствие этого создается впечатление, что рабовладение в Индии существенно не отличалось от развитых рабовладельческих государств античного мира, а основные положения автора выглядят схематичными и поэтому неубедительными.

Следует подробнее остановиться на работе А. Осипова «Краткий очерк истории Индии до X века» (М., 1948). Это первая значительная работа в советской историографии, посвященная мало изученному периоду в истории Индии. Задача автора была очень трудной, так как ему предстояло пересмотреть все установившиеся точки зрения буржуазной исторической науки и дать подлинную историю индийского народа, очистив ее от Гималаев лжи и фальсификации. Многие можно отметить как заслугу автора: его характеристику уровня развития производительных сил в каждый рассматриваемый им исторический период, решительный отказ от лживой расистской теории «арийского завоевания Индии», опровержение расовой теории происхождения сословного и кастового строя и др. Автор всюду стремится отметить своеобразие исторического развития Индии, в частности дать характеристику особенностей ее общественного строя; но здесь он не нашел правильного решения, чем значительно обесценил свой исторический очерк.

Как раз в вопросе об общественно-экономической формации древней Индии точка зрения автора не отличается четкостью и определенностью. Он нигде не дает даже определения классового характера государств древней Индии. Упомянув, например, об

образования в VI—V вв. до н. э. первых государств в Индии, автор пишет: «одни были с монархическим, другие с олигархически-республиканским управлением. Таким образом завершился распад патриархально-общинного строя. Общество распалось на классы, и господствующий класс создал аппарат для поддержания своего господствующего положения над собственным народом и для расширения своей власти на чужие народы» (стр. 22). Конечно, это вряд ли кого-либо может удовлетворить, так как остаются неясными основные вопросы: на какие классы распалось общество, бывшее прежде бесклассовым, какой класс стал господствующим, каков классовый характер возникших государств.

На стр. 36 автор высказывается несколько более определенно. «Итак, в VI—V вв. на севере Индии в области Джамна-Гангского двуречья и Бихаре возникли государства, в которых господствующее положение принадлежало мощным рабовладельческим родам». Следовательно, как будто речь идет о рабовладельческих государствах. Почему бы так это и не сказать? Зачем непосредственно дальше писать: «На смену общинному строю пришел новый строй, основанный на эксплуатации господствующим меньшинством массы непосредственных производителей» (стр. 37); ведь это уход от вопроса!

Но последуем далее за автором: «За отсутствием хозяйственных документов мы можем судить о том, каков был этот новый строй, только опираясь на традиции, зафиксированные в религиозной, юридической и эпической литературе древней Индии, поэтому наш вывод имеет условный характер. Этот вывод заключается в том, что в Индии на месте первобытного строя не возник развитой рабовладельческий способ производства. Военная добыча и эксплуатация рабов помогли родовым старейшинам, раджам и брахманам сначала стать в независимое положение от общин, а потом и захватить власть над общинами. Совершив этот переворот, господствующие роды, продолжая эксплуатировать домашних рабов и полусвободных, наложили руку и на продукт труда свободных общинников-вайшьев. В этом им помогла разобщенность общин, а также и то, что внутри общины уже не было прежнего единства... Прибавочный продукт, экспроприруемый у общинников в форме налога, составлял основной доход господствующего класса. Домашние рабы только дополняли недостающее и при-давали сырому продукту форму, способную удовлетворить ту или иную прихоть их господина. Таким образом, существование господствующего класса покоилось на примитивной форме феодальной эксплуатации общинников, обложенных, как данью, государственным налогом, и на эксплуатации домашних рабов. Рабство, как уклад, в отдельные моменты истории Индии получало толчок своему развитию, но так и не сумело стать господствующим способом производства» (стр. 37).

Можно согласиться с автором, что в Индии на месте первобытно-общинного строя не возник развитой рабовладельческий способ производства. Но какой же все-таки возник? Определенного ответа мы не находим, но на основании только что приведенных цитат создается следующая теоретически явно несостоятельная картина общественно-экономической формации в древнеиндийском государстве: 1. Господствующий класс в этом государстве — рабовладельческая знать. 2. Существование господствующего класса покоилось на примитивной форме феодальной эксплуатации. 3. Основной эксплуатируемый класс — общинники.

Невозможно понять, каким образом существование господствующего класса — «рабовладельческих родов» — могло поддерживаться в основном феодальной эксплуатацией, хотя бы и примитивной; неясно, почему этот класс нельзя назвать феодальным; непонятно, почему класс, подвергающийся феодальной эксплуатации, не крестьяне, а «общинники», хотя такого «класса» вообще нет. Неудивительно, что автор ни разу не дал классовой характеристики такого государства, так как ее и невозможно дать.

Отсутствие определенной точки зрения у автора на классовый характер древнеиндийских государств является причиной того, что в его работе много отдельных положений, находящихся в противоречии с уже упоминавшимися мною и друг с другом. Так, автор несогласен с тем, что «Артхашастра» написана не в IV—III вв. до н. э., как считается индийцами по традиции; он считает более правильной датой II в. н. э., «не столько исходя из формального анализа и сопоставления этого труда с другими,

сколько из духа самого произведения, в достаточно явной форме отдающего предпочтение наемному труду ремесленников и крепостнической эксплуатации земледельцев перед использованием рабской силы» (стр. 44). Выходит, таким образом, что если бы «Артхашастра» была составлена в IV—III вв. до н. э., то Каутилья отдал бы предпочтение использованию именно рабской силы. Но ведь автор утверждает, что и тогда уже преобладала феодальная эксплуатация, следовательно, Каутилья мог предпочесть свободный труд ремесленников и крепостническую эксплуатацию крестьян рабскому труду.

На стр. 67 автор пишет: «На ранних ступенях развития индийского феодализма (речь идет о II—III вв. н. э.—Г. И.) продолжала существовать унаследованная от античности форма распределения прибавочного продукта среди господствующего класса. Каждый феодал получал свою долю из общего фонда прибавочного продукта, концентрируемого в руках главы государства, как жалование за службу...» и т. д. Естественно, что возникает ряд недуманных вопросов. С одной стороны, автор считает необходимым в истории Индии отделять античность от средневековья, с другой стороны, неясно, зачем это ему понадобилось, так как существенной разницы между ними нет, ибо раннее средневековье унаследовало от античности феодальные методы эксплуатации.

На стр. 56 автор пишет: «Во времена Ашоки развитие рабовладения привело к крупным социальным и политическим изменениям, нашедшим свое отражение в сфере идеологии». С этой точки зрения трактуется, в частности, религиозная политика Ашоки. Если бы мы знали, что автор считает государство Маурьев рабладельческим, нам было бы все ясно, но преобладали ведь феодальные отношения; почему же развитие несущественных рабовладельческих отношений («Рабство... играло подчиненную роль в экономической жизни», стр. 53) вызвало крупные социальные и политические изменения, которые определили развитие идеологических воззрений, а господствующие феодальные отношения оказались не в состоянии этого сделать? Кстати, касаясь вопросов идеологии древней Индии, автор также ни разу не определяет, в интересах какого класса она создавалась, называя этот класс иногда «господствующим классом» (стр. 30, глава «Учение о варнах»), иногда «эксплуататорами» (стр. 55, глава «Религиозная политика Ашоки»), что никого не может удовлетворить.

Основная ошибка автора заключается в неправильной оценке значения пережитков первобытно-общинных отношений в общей структуре рабовладельческого строя древней Индии. Автор прав, когда утверждает, что рабство в Индии не разрушило до конца первобытно-общинные отношения, что эксплуатации рабского труда носила патриархальный характер (стр. 54). К сожалению, он не оказался последовательным в этом своем рассуждении и отказался от естественного вывода, что в древней Индии существовал уже рабовладельческий строй с весьма значительными элементами первобытно-общинных производственных отношений и что патриархальность рабства предполагает существование первобытно-общинных отношений наряду с ним. От того, что рабство в древней Индии не было столь развитым, как в странах Средиземноморья, оно не переставало быть рабством. Хотя пережитки первобытно-общинного строя были весьма значительны, однако они не могли определить структуру государства, так как они были пережитками доклассового общества, тогда как государство является институтом классового общества. Поэтому государство, созданное в интересах подавления рабов, не может не быть рабовладельческим, хотя оно необходимо должно отличаться от государств с развитым рабовладением.

Автор имеет право предполагать, что элементы феодального общества зарождаются еще в предыдущей рабовладельческой формации: «возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя...» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 123). Автор имеет право предполагать, что элементы феодального общества могли в Индии возникнуть хронологически раньше, чем в странах Европы, но он ошибочно принял элементы первобытно-общинного строя за феодальные. Автор видит феодальные методы эксплуатации только в том, что общинник платит поземельный налог государству. Но сама по себе уплата поземельного налога не может представлять собой основной элемент феодальной эксплуатации, так как

такой налог платится не только при феодализме. Разделению общества на классы рабовладельцев и рабов предшествует его разделение на богатых и бедных в первобытно-общинном строе; естественно, что наряду с имущественным неравенством растет и неравенство социальное, следствием чего являются попытки родовой знати переложить все бремя на рядовых общинников. Когда возникает рабство и развивается до такой степени, что становится необходимым создать государство для удержания рабов в их угнетенном состоянии, то рабовладельческая знать, выросшая из родовой знати, старается перенести расходы по содержанию этого государства также на счет рядовых общинников. Но это не значит, что общинники стали эксплуатируемым классом, хотя противоречия между свободными могут быть иногда очень острыми и временами оказываться на первом плане политической жизни. История даже таких рабовладельческих государств, как древняя Греция и Рим, полна примеров этого, так как даже их социальная структура не ограничивалась существованием только двух антагонистических классов — рабовладельцев и рабов: «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120).

Конечно, со временем в Индии общинники стали крестьянами (большинство) или феодалами (ничтожное меньшинство), рабовладельцы стали феодалами, продолжая по возможности использовать труд рабов, но автор не может доказать, что этот процесс имел место уже в период возникновения первых государств в Индии (VI—V вв. до н. э.), он и не пытается это сделать. А раз это так, то представление о древней Индии как стране с господством феодальных отношений надо отбросить: оно не доказано фактически и ошибочно методологически.

На наш взгляд правильной точки зрения в вопросе об общественно-экономической формации в древней Индии придерживался ныне покойный Д. А. Сулейкин. В докладе «Основные вопросы периодизации истории древней Индии» («Ученые записки Тихоокеанского института», т. II, М.—Л., 1949) он говорил: «Своеобразие древнеиндийского общества состоит в том, что оно представляет собой органическое соединение двух антагонистических элементов — рабовладельческого уклада и сельских общин, несмотря на то, что развитие первого возможно только на основе разрушения второго, т. е. сельских общин» (стр. 188). И дальше: «Земледельцы сельских общин не представляли собой класса, как социальная категория они были унаследованы рабовладельческим обществом от первобытно-общинного строя...» (стр. 188—189). Одновременно автор отмечает, что рабство в Индии носило примитивный характер: «...Древняя Индия не знала крупных рабовладельческих предприятий, но существо дела от этого не изменяется: это означает лишь то, что Индия, в силу отмеченных выше обстоятельств, не достигла и не могла достигнуть в высших форм рабовладельческого общества» (стр. 188).

Следует иметь в виду также еще и то обстоятельство, обычно недостаточно принимаемое во внимание, что Индия не представляла собой нечто единое по уровню своего развития. Поэтому, когда мы характеризуем древнюю Индию в целом, следует помнить, что даже рабовладение в его примитивной форме существовало далеко не на всей территории, а только в экономически и социально наиболее развитых районах страны.

Общий вывод таков: только признание древней Индии рабовладельческим государством или системой рабовладельческих государств со спецификой общественного строя, выражающейся в сосуществовании примитивного рабовладения с элементами первобытно-общинного строя, дает надежную основу для решения основных вопросов древней истории этой страны.

*Г. Ф. Ильин*